

И.В. Скворцов

**Обзор истории крестьян на
Руси**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.В. Скворцов**
Обзор истории крестьян на Руси / И.В. Скворцов – М.: Книга по Требованию,
2017. – 50 с.

ISBN 978-5-458-06284-8

Извлечено из приложения к газете "Ежедневные обозрения".

ISBN 978-5-458-06284-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

быть, мы поймемъ, какими условіями была создана эта личная собственность боярина, каковой не видимъ у смерда, и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснимъ себѣ происхожденіе нѣкоторыхъ явленій въ жизни тогдашняго русскаго общества образовавшихся въ быту смерда и его общественномъ положеніи. Основнымъ ходячимъ капиталомъ въ тогдашнемъ хозяйствѣ были *рабы*, разсѣянные тогда во множествѣ повсюду; на нихъ держалось все въ хозяйствѣ, такъ какъ обработка земли съ помощію смердовъ, при тогдашнихъ порядкахъ, допускавшихъ уходъ свободныхъ смердовъ съ чужой земли, была неудобна. Отсюда основнымъ типомъ хозяина XI—XII вв. является домовладыка—рабовладѣлецъ-господарь (имя, преобразовавшееся впоследствии въ слово: государь). Онъ селилъ на пустой землѣ (которой тогда было громадное количество при малочисленности населенія) *своихъ* челядинцевъ и естественно сталъ ее считать чрезъ это *своею* землею.

Такъ произошла боярская *вотчина*, земельная собственность рабовладѣльца дружинника, пріобрѣтавшаго рабовъ главнымъ образомъ путемъ войны. Цѣнность раба, какъ главной экономической силы и основнаго элемента землевладѣнія, создавала среди высшихъ классовъ неуклонную заботу о пріобрѣтеніи возможно большаго количества рабовъ, стремленіе всевозможными средствами *работить* людей даже и свободныхъ.

Рабовладѣльческіе инстинкты высшихъ классовъ населенія приднѣпровской Руси отразились на судьбѣ свободнаго смерда. Послѣдній по необходимости шелъ даже, такъ сказать, на встрѣчу имъ. Бѣдность, вслѣдствіе неурожаевъ при суровомъ климатѣ и несовершенствѣ обработки земли, неимѣніе средствъ для обзаведенія хозяйствомъ, беспомощное часто положеніе въ ту эпоху буйства

и междоусобій, заставляли его искать помощи и защиты у богатых и сильных дружинниковъ. Послѣдніе, разумѣется, пользовались случаемъ, давали бѣдняку - смерду *куны* на обзаведеніе, ссужали его рабочимъ скотомъ и пр. и не даромъ. По тогдашнимъ законамъ о долгѣ—это ставило его въ личную зависимость отъ кредитора — такъ какъ иного обезпеченія въ уплатѣ долга бѣднякъ-смердъ не могъ и дать. За долгъ онъ платилъ работой на землѣ господина (закупъ ролейный — были еще работавшіе въ дому господина — неролейные). Такъ явились *наймиты* или *закупы* — полусвободное состояніе, нѣчто среднее между свободнымъ смердомъ и холопомъ, что-то въ родѣ временнаго, неполнаго рабства. Во времена «Р. Правды» наймитство является уже въ сильномъ развитіи: въ «Р. Правдѣ» находится о закупахъ шесть статей; изъ нихъ и можно составить себѣ понятіе объ обязанностяхъ и положеніи закупа въ то время.

При гражданской неполноправности должникъ-закупъ все-таки отличался отъ раба. Послѣдній не могъ быть свидѣтелемъ въ судѣ,—показанія закупа допускались хотя только «по нужѣ» и притомъ «въ малѣ тяжбѣ».—Господинъ могъ бить закупа, но только за вину, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ былъ платить ему за оскорбленіе наравнѣ съ свободнымъ человекомъ. Отличаясь такимъ образомъ отъ холопа, онъ все-таки очевидно стоялъ близко къ нему, а нерѣдко даже и превращался въ холопа обѣльнаго (полнаго), хозяинъ «работилъ» его обыкновенно въ случаѣ бѣгства его безъ уплаты долга или совершенія преступленія; въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ платилъ за него и виру князю. Рабо-владѣльческіе стремленія бояръ находили себѣ удовлетвореніе и помимо этихъ случаевъ. Бывало не разъ даже, что хозяева работали

закуповъ и помимо законныхъ въ тому поводовъ. При неудовлетворительности тогдашняго судопроизводства подобныя случаи, разумѣется, часто сходили съ ружь господину, развѣ уже закупъ спасался бѣгствомъ или уходилъ съ жалобой къ князю. Вообще положеніе наймита было, очевидно, очень стѣснено при личной зависимости отъ хозяина по долгу. Законныя ограниченія и наказанія за лишеніе его свободы, не смотря на ихъ относительную строгость, были слишкомъ для того недостаточны. Закономъ не опредѣлялось ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая неопредѣленность всегда уже обращается въ пользу сильнаго. Законъ впрочемъ говорить: «идеть-ли закупъ искати вунъ (денегъ) для уплаты долга и явлено ходить; про то не работити его, а дати ему правду». Здѣсь можетъ быть имѣется въ виду обычай въ родѣ не разъ бывавшаго въ XV—XVI вв., когда должникъ-крестьянинъ переходилъ въ новому землевладѣльцу, ссудой его уплативъ долги старому и мѣняя такимъ образомъ только одну зависимость на другую, болѣе тяжелую.

Гражданская неполноправность и зависимость закупа не мѣшала ему однако имѣть собственность. Родовой закупъ получалъ иногда отъ хозяина за работу участки земли въ пользованіе, который и обрабатывался хозяйскимъ же рабочимъ скотомъ и орудіями (съ условіемъ платы за порчу того и другаго). Это обстоятельство, быть можетъ, и служило также одной изъ причинъ развитія наймитства, своего рода приманкой, въ которой видѣлъ онъ возможность выпутаться со временемъ изъ тяжелыхъ обстоятельствъ, поставившихъ его въ зависимое состояніе должника. Заботы рабовладѣльца и нужды смерда сош-

лись такимъ образомъ; въ результатѣ сочетанія такихъ разнообразныхъ интересовъ и явилось наймитство съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивавшееся.

Не ошибемся, кажется, если скажемъ, что значеніе закупа для рабовладѣльца и состояло прежде всего въ томъ, что это состояніе было ступенью къ холопству. Поземельныя владѣнія дружинника вообще составляли только придатокъ къ содержанію, которое получалъ онъ отъ князя, и придатокъ очевидно весьма непрочный при постоянныхъ передвиженіяхъ дружины вслѣдъ за князьями, блуждавшими тогда по всей землѣ русской подобно кометамъ, при чемъ дружина, съ приходомъ новаго князя на покинутое мѣсто, часто лишалась своихъ владѣній. Высшимъ классамъ важна была поэтому не земля, а ея обитатели; плохіе хозяева, они эксплуатировали не землю, но населеніе ея. Они стремились работать свободныхъ людей, чтобы потомъ въ качествѣ рабовъ всюду возить ихъ съ собою при переселеніяхъ. Наймитство чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе должно было поэтому развиваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшаться и положеніе смердовъ, особенно съ обособленіемъ княжествъ, которое началось къ концу кievскаго періода. Это обособленіе княжествъ вело къ осѣдлости князей и вмѣстѣ съ тѣмъ къ ограниченію правъ свободного перехода смердовъ.

Но рядъ другаго рода напастей, обрушившихся на голову смерда, мало по малу измѣнили готовившуюся ему судьбу, положеніе его ухудшилось, но „изъ худшаго, по древней пословицѣ, выросло лучшее“—смердь бѣжалъ на сѣверъ, гдѣ и вздохнулъ свободнѣе.

II.

Постоянные усобицы князей истощали русскую землю; сосѣдство со степью не давало установиться никакому порядку на Руси. При тогдашнемъ способѣ войны и неожиданныхъ набѣгахъ кочевниковъ хуже всего приходилось папашенному человѣку. Ему доставалось вдвое—и при нападении враговъ на Русскую землю, и при походѣ въ чужую, по необходимости отрывавшемъ его отъ родины (какъ видно изъ словъ Владиміра Мономаха на замѣчанія дружины Святослава). Не дивно, что Приднѣпровье пустѣло, что населеніе его потянулось въ мѣста болѣе безопасныя—къ сѣверо-востоку. Нашествіе татаръ въ XIII в. довершило начатое—киевское общество распалось. Масса народонаселенія и преимущественно смердовъ передвинулась въ суздальскій край. Туземцы—финны исчезли постепенно въ этомъ потокѣ колонизаціи. вмѣстѣ съ тѣмъ въ суздальскомъ краѣ явился рѣшительный перевѣсъ смердыаго населенія надъ остальными классами, преобладаніе крестьянства. На послѣднее теперь и должны были опереться главнымъ образомъ князья. Они смотрѣли теперь изъ рукъ народа какъ послѣ народъ смотрѣлъ уже изъ ихъ рукъ. Это и понятно. Такъ какъ торговля въ новозаселенномъ краѣ была слаба, точную финансовую систему дани и пошлинъ, при страшной бродячести населенія, установить было трудно, то заботы князя должны были прежде всего обратиться на доходы сельско-хозяйственные. Ис-

точники рабства—распри и войны благодаря татарамъ должны были уменьшаться; хозяйство не могло уже основываться по прежнему на рабѣ, но главнымъ образомъ на бродячемъ смердѣ. Князь долженъ былъ теперь одолжать его, устроить въ хозяйственномъ отношеніи, приманивать всякаго рода льготами, чтобы удержать на своей землѣ т. е. производить тѣже операціи, къ какимъ прибѣгали, какъ увидимъ, землевладѣльцы-вотчинники XV в. Князья хозяева по необходимости сдѣлались теперь осѣдлыми, у нихъ является понятіе о княжествѣ какъ личной собственности, чего въ кievской Руси не было. Все это отразилось соотвѣтствующими измѣненіями въ быту смердовъ, хотя и не вдругъ и не скоро.

Правда, какъ и въ кievской Руси, у смерда видимъ ту же непобѣдимую склонность къ передвиженіямъ. Какъ и тамъ ему чуждо понятіе о личной земельной собственности. Гдѣ бы онъ ни жилъ, и сколько бы ни жилъ, онъ помнитъ, что земля не составляетъ его собственности, не куплена имъ, не пожалована ему за службу какъ дружиннику, а дана ему только въ пользованіе.—Но далѣе сходство кievскаго и суздальскаго или лучше московскаго смерда превращается. Онъ по прежнему „сидится“ иногда на землѣ владѣльческой съ извѣстнаго рода обязанностями по отношенію къ землевладѣльцу, но *побѣги* съ земли послѣднaго уже не превращаетъ его по прежнему въ холопи—онъ остается свободнымъ, смердъ пріобрѣтаетъ теперь прежде всего такъ сказать *привиллеію необращенія въ холопи* въ извѣстныхъ случаяхъ, и то шагъ впередъ! Автовъ мало сохранилось отъ того времени (XIII—XIV в.), но видно уже, что вообще положеніе смерда улучшилось. Ролейный закупъ исчезаетъ теперь, превращается въ вольнаго брестьянина со всѣми правами свободнаго человѣка.

Впрочемъ для поступленія въ холопи и теперь была торная дорога—явилась бы лишь охота у смерда. Стремленіе работать людей ничуть не менѣе прежняго, хотя и меньше уже представлялось случаевъ къ его удовлетворенію. Смерду мало было нужды идти въ холопи или становиться въ личную зависимость къ кому бы то ни было. Въ немъ болѣе чѣмъ прежде нуждались теперь князья—вотчинники при заселеніи обширныхъ своихъ княжествъ. Землевладѣльцы-дружинники вмѣстѣ съ княземъ становясь осѣдлыми и приобретаая вмѣстѣ съ тѣмъ важное земское первенствующее значеніе, также заботятся съ помощію князей объ увеличеніи народонаселенія своихъ вотчинъ, даютъ льготы пришлымъ людямъ. Можно думать поэтому, что прибывшему кіевскому смерду не совсѣмъ теперь плохо жилось. Если даже и не совсѣмъ точно были опредѣлены его юридическія права, во всякомъ случаѣ ему жилось лучше, чѣмъ въ послѣдствіи, когда развивающаяся власть государственная полнѣе и тверже опредѣливъ эти права въ то же время стѣсняетъ его во многихъ отношеніяхъ и когда землевладѣльцы мало по малу прибираютъ смерда къ рукамъ.

Крестьянинъ теперь и долго еще въ послѣдующее время является вольнымъ арендаторомъ—съемщикомъ земли у собственниковъ. Не нравится ему въ одномъ княжествѣ онъ идетъ въ другое—ездѣ его принимаютъ съ радостію, онъ свободно ищетъ новаго лучшаго мѣста, болѣе выгодныхъ условій для себя и переселяется въ болѣе мирный и спокойный край. Лѣса выжигаются, готовится богатая почва, но поселенецъ-кочевникъ недолго на ней остается, чуть трудъ станетъ тяжелѣе, онъ идетъ искать новаго мѣста, ибо вездѣ просторъ, вездѣ готовы принять его. Самыя льготы, быть можетъ, побуждали отчасти къ переходамъ. По лѣтопи-

самъ мы видимъ, какъ одни княжества пустѣютъ, а другія населяются и не инымъ конечно способомъ какъ переходами. Особенно много прилиvalo смердовъ въ благоустроенное княжество московское, что слѣдуетъ считать одною изъ главныхъ причинъ его возвышенія и ослабленія сосѣднихъ. Умѣнье московскихъ князей устроить свое крестьянское княжество, рядомъ съ благоприятными географическими условіями, влекло сюда поселенцевъ, особенно когда съ развитіемъ понятія о княжествѣ, какъ личной наследственной собственности, началось сильное дробленіе княжествъ, а рядомъ съ тѣмъ бѣдность князей и утѣсненіе ими удѣльнаго населенія.

Отъ такой „расходчивости“, стремленія уходить при первомъ неудобствѣ у смердовъ развиваются привычки, отъ которыхъ онъ долго не можетъ отрѣшиться и которые послужили ему во зло впоследствии, — полуосѣдность, отсутствіе привязанности къ одному мѣсту, иснаніе легкаго труда рядомъ съ безрасчетливостію. — Какъ и всегда бѣдный, смердъ по крайней мѣрѣ нагуливается теперь, пока правительственная власть въ предупрежденіе разнаго рода обстоятельствъ, неблагоприятныхъ для нея, не усадила его мало по малу на одномъ мѣстѣ.

III.

Съ подробностями быта крестьянъ Московской Руси въ XIV в. мы встрѣтимся еще при описаніи крестьянской жизни въ XV — XVI в. въ объединенной подъ властію московскаго князя Руси; въ общемъ и тогда встрѣчается мало измѣненій; если они и происходятъ, то, какъ уви-

димъ, главнымъ образомъ къ концу слѣдующей эпохи. А теперь остановимся нѣсколько на исторіи крестьянъ въ вольныхъ городскихъ общинахъ Сѣв. Руси—(Новгородъ, Псковъ и Вятка). Здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя особенности въ жизни крестьянъ. Прежде всего среди *сельнянъ* (общее названіе земледѣльческаго населенія Новгорода), нужно отмѣтить такъ называемыхъ *земцовъ* — разрядъ лицъ, подобнаго которому не видимъ въ Московской Руси, и который могъ образоваться только при особенностяхъ жизни вольныхъ общинъ, находившихся почти внѣ вліянія князей. Земцы или своеземцы владѣли мелкими крестьянскими участками на вотчинномъ правѣ (на правѣ полной *собственности*). Кромѣ ихъ значительная часть смердовъ жила обыкновенно на чужихъ земляхъ: одни снимали земли у частныхъ собственниковъ, бояръ, монастырей и т. п., другіе обитали на общественныхъ земляхъ. Это были *свободные* люди, имѣвшіе право по условію жить на чужихъ земляхъ, оставлять ихъ, и переходить къ другимъ землевладѣльцамъ, что впрочемъ не мѣшало сильнымъ и свободнымъ лицамъ, какъ видно изъ всей исторіи вольныхъ городскихъ общинъ, очень часто притѣснять ихъ. Не вездѣ даже свобода лица и свобода отхода остаются неприкосновенными. Въ Новгородѣ по крайней мѣрѣ можетъ быть вслѣдствіе большей осѣдлости народонаселенія являются и болѣе зависимыя отношенія крестьянъ отъ господъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. относительно права быть свидѣтелемъ на судѣ, при выдачѣ бѣглыхъ) крестьянинъ сравнивается съ холопами. Что же касается Пскова, то какъ видно изъ псковской судной грамоты—тамъ этой зависимости не было; крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными съемщиками земли, жившими на ней безсрочно, сколько пожи-

вется. Ихъ отношенія въ землевладѣльцамъ ограничивались иногда платой денегъ, чаще уступкой въ ихъ пользу части натуральныхъ произведеній, смотря по условіямъ времени и мѣстности (половники, третники, четники). Между нимъ псковская грамота различаетъ изорниковъ (земледѣльцевъ) огородниковъ, котечниковъ (рыбаковъ отъ слова коцеть). Многіе изъ нихъ брали поверту (пособіе, ссуду) съ обязанностію возвратить ее „по отрѣку ли (отказу — производившемуся обыкновенно „о филиповѣ заговейнѣ“) государеву уйдетъ или самъ отречется“ все равно. При отказѣ крестьянина платить поверту, господинъ долженъ былъ представить свидѣтелей иначе его исеѣ не имѣлъ силы. Въ случаѣ бѣгства, господинъ вознаграждалъ себя изъ имущества бѣглеца, но опять не иначе какъ при свидѣтеляхъ - понятыхъ, остальное „доправлялъ“ на бѣглеца, по его возвращеніи, не имѣя при этомъ права обращать его въ холопи. Какъ свободный человѣкъ, изорникъ имѣлъ и полное право иска на хозяина. Все это доказываетъ значительное развитіе юридическихъ правъ крестьянина въ описываемую эпоху.

Смерды, жившіе на земляхъ правительствующаго города, платили обыкновенно дань въ пользу князя (въ подспорье къ другимъ источникамъ его содержанія) и города, а также исполняли для послѣдняго разныя натуральныя повинности. Эта двойная обязанность поддерживая существованіе не только князя, но и старѣйшаго города, какъ кажется, не мало тяготила всѣхъ вообще смердовъ (какъ это показываетъ сбавка даней княземъ Михаиломъ въ 1223 г. и сказаніе о подлогѣ смердѣй грамоты, которою опредѣлялись обязанности смердовъ).

При отправленіи повинностей каждый смердь тануль въ свой погостъ. Туда же сходились жители сель и де-